

А.Н. Соколов, профессор Калининградского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН;

А.В. Андрианов, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Калининградского пограничного института ФСБ РФ, кандидат юридических наук, доцент

ОРГАНИЗОВАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ЕГО СОСТАВ – ЛЕГИТИМНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ

Нестабильность общественных отношений, характерных для постсоциалистического переходного периода, в котором в силу разнообразных исторических причин оказалось российское государство, не могла не оказать своего в высшей степени негативного воздействия на существующую преступность. Это обстоятельство дискредитирует наше общество и государство в глазах мирового сообщества.

Все это обусловлено крайне негативным развитием социально-политического положения в России после развала Советского Союза. Отражением развала и явились такие криминогенные факторы, как невиданный рост преступности и всеохватывающая коррупция. К этому следует добавить низкий уровень общей политической и правовой культуры, особенно подрастающего поколения, падения и разложения нравственных устоев. В массовое правосознание и в повседневную жизнь внедрились элементы субкультуры преступной среды. На этом фоне идет снижение правового иммунитета общества, повышается терпимость граждан к совершаемым преступлениям и иным правонарушениям.

Особую опасность представляет организованная преступность. Фундаментальные исследования, проведенные Российской криминологической ассоциацией, неопровержимо доказывают, что организованная преступность представляет собой качественное явление, которое необходимо изучать для обеспечения качественного противодействия данному виду преступности.

Несмотря на принимаемые меры, в начале XXI в. коренного перелома в улучшении криминальной ситуации по стране не наблюдается. Так, за 9 месяцев 2006 г. зарегистрировано 2 922 853 преступления (на 12,3 % больше, чем за аналогичный период 2005 г.). Наблюдается рост тяжких преступлений (на 2,7 %), причинивших крупный (значительный) ущерб либо совершенных с извлечением дохода в особых крупных размерах (на 30,4 %), преступлений экстремистской направленности (на 76,2 %). Причем рост регистрируемых преступлений отмечен в 72 субъектах Российской Федерации. Рост зарегистрированных криминальных деяний наблюдается и за весь период с 2000 по 2005 г. Однако, по мнению профессора В.В. Лунеева, фактическое число ежегодно совершаемых преступлений в России достигает 9–12 млн. За год фиксируется от 60 до 75 млн административных правонарушений, к тому же около 30 млн граждан России живут за чертой бедности [7, с. 5–6].

Все это обусловлено крайне негативным развитием социально-политической обстановки в России после развала в декабре 1991 г. Советского Союза. Отражением развала и явились такие криминогенные факторы, как невиданный рост преступности и всеохватывающая коррупция (до 80 % всего корпуса чиновников). К этому следует добавить низкий уровень общей политической и правовой культуры, особенно подрастающего поколения, падение и разложение нравственных устоев, иначе говоря, наблюдается деградация общества. На этом фоне идет снижение правового иммунитета общества, повышается терпимость граждан к совершаемым преступлениям и иным правонарушениям. Особую опасность представляет организованная преступность. Фундаментальные исследования, проведенные Российской криминологической ассоциацией, неопровержимо доказывают, что организованная преступность представляет собой качественное явление по сравнению с отдельными видами преступности, она как бы стоит над ними, интегрируя их в единую систему в разных сочетаниях [6, с. 5]. А поскольку это так, то небезынтересно проанализировать «реакцию» представителей криминологической и уголовно-правовой науки на этот феномен, избавиться от которого, как показывает мировой опыт борьбы с преступностью, демократическое общество невозможно. Эта объективная реальность требует всеобъемлющего комплексного подхода в системе позитивного разрешения проблем организованной преступности.

Одним из таких направлений является приведение уголовного законодательства в состояние, адекватное реалиям криминальной ситуации, сложившейся в Российской Федерации в сфере борьбы с организованной преступностью. Известно, что между социолого-криминологическими данными, с

одной стороны, и уголовным правом (законодательством) – с другой, не должны иметь места отсутствие корреляции и даже антагонистических противоречий.

Итак, организованная преступность как криминальная реальность не может состоять из совокупности обычных, предусмотренных действующим уголовным законодательством преступлений, а проявляется в одной из своих существенных характеристик организованности, относящейся к организованным преступлениям, организованным преступным формированиям (организованным группам, бандам, незаконным вооруженным формированиям, преступным организациям, преступным сообществам).

Организованное преступление – объективная реальность, которая де-юре не признана. И этот пробел в одной из важнейших отраслей российского права и законодательства пока не преодолен, вероятно, еще и потому, что уж очень фундаментальна эта уголовно-правовая категория – организованное преступление. Данное понятие находится в центре исследования представителей и криминологической, и уголовно-правовой науки, точки зрения которых представляется необходимым проанализировать. Так, А.И. Долгова определяет организованное преступление как «...преступление, которое характеризуется следующими признаками: предумышленным совершением, то есть с заранее обдуманном умыслом; планированием процесса его совершения, в том числе приготовления к нему; легализации преступных доходов и т. п.; продуманной защитой преступником себя от разоблачения, включая подкуп или иные формы нейтрализации возможных свидетелей и иных лиц» [6, с. 226].

Предложенное А.И. Долговой определение – результат глубоких социологических исследований и несет на себе «криминологическую печать» как криминальная реалья, которую необходимо преобразовать в уголовно-правовую категорию, используя прагматичный инструментарий материального уголовного права, потому что «продукция» этой отрасли права, и особенно законодательства, – предмет конкретной деятельности конкретного правоприменителя.

Представители уголовно-правовой науки эту проблему пытаются разрешить следующим образом. И.И. Карпец предлагал начать с простого, примерного перечня преступлений, которые, по его мнению, следует отнести к организованным. Он считал, что необходимо «...прямо перечислить статьи закона, наиболее характерные для организованной преступности (хищения, кражи, злоупотребление наркотиками, контрабанда, бандитизм, разбой, вымогательство и др.)» [1, с. 267]. Представляется, что такой или какой-то другой «примерный перечень» организованных преступлений предложить невозможно, поскольку такого перечня нет и быть не может, а если его изобрести, то придется «повторять пройденное» – непрерывно его изменять и дополнять.

Другая группа криминалистов предлагает произвести корректировку уголовно-правовой политики России на концептуально-правовом уровне. Суть ее заключается в том, что в условиях формирования нового уголовного законодательства требуется новая классификация уголовных правонарушений, которая должна включать в себя уголовный проступок, преступление и уголовно-правовой деликт. Однозначно определено, что сущностной характеристикой организованного преступления (как бы это тавтологично ни звучало) является его организованность, «творец» которой – субъект конкретного криминального деяния.

Опыт практической и научно-исследовательской деятельности по борьбе с преступностью приводит нас к выводу, что определение понятийной структуры организованного преступления находится в системном подходе к разрешению этой проблемы.

Организованное преступление – это подсистема, которая, обладая свойствами системы (организованной преступности), имеет и собственные, в данном случае уголовно-правовые, особенности, которые будут рассмотрены применительно к составу организованного преступления. Концепция системного подхода к науке уголовного права в последнее время активно разрабатывается. Согласно этой концепции состав преступления есть системно-структурное образование. Н.Ф. Кузнецова в этой связи пишет: «Состав... есть целостное единство множества подсистем и элементов. В составе – четыре подсистемы и в них то или иное число взаимосвязанных элементов. Между подсистемами и элементами имеется определенная системообразующая связь и структура» [3, с. 3].

Состав организованного преступления – это система, то есть целостное единство структурно расчлененных взаимосвязанных объективных и субъективных элементов (признаков), реализующих определенную функцию.

Объектом организованного преступления могут быть только охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым это общественно опасное деяние причиняет вред или ставит под угрозу причинения такого вреда. Как представляется, особенностью действий организованного преступника является то, что он в процессе совершения криминального деяния может причинить (и причиняет) вред, как правило, не одному, а сразу нескольким объектам. Например, при бандитизме вред наносится следующим объектам: основам государственного управления в области обеспечения об-

щественной безопасности; жизни людей; государственной, общественной и частной собственности; здоровью, чести и достоинству личности и т. д. В процессе организованной преступной деятельности вред может причиняться одному и тому же родовому или видовому объекту, например чужой собственности, но при этом непосредственный объект бандитского нападения, как правило, разный. Например, первой преступной акцией причиняется вред частной собственности конкретного предпринимателя; второй – собственности государственного предприятия и т. д.

Проведенные исследования показывают, что организованные преступники, определив в качестве своего «дела» совершение преступлений конкретного вида, не могут остановиться перед любым другим криминальным деянием, которое предоставляет им возможность процветания, выживания либо спасения [4, с. 285].

Научные и законодательные определения должны базироваться на реальных, объективно существующих социальных явлениях действительности. Особенность правовой природы объективной стороны организованного преступления заключается в том, что основным признаком ее является организованная общественно опасная деятельность, а не общественно опасное деяние – основной признак объективной стороны обычного преступления. Уголовно-правовое деяние может быть однократным, а в ряде случаев – многократным. В юридической литературе, посвященной проблемам борьбы с организованной преступностью, вокруг понятия «преступная деятельность» еще до принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. имела место довольно острая дискуссия [6, с. 295, 307]. Так, А.С. Емельянов предлагал ввести в уголовное законодательство понятие «преступная деятельность» как совместное участие двух и более лиц не в отдельно взятом преступлении, а в их совокупности, что имеет место, как он утверждает, при бандитизме, контрабанде и других преступлениях. А.И. Долгова, поддерживая эту точку зрения, определяла преступную деятельность как особый вид совокупности преступлений, представляющий устойчивую систему преднамеренных преступлений, носящих преемственный характер.

Необходимо отметить, что позиция этих ученых в той или иной степени нашла свое отражение в ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации)».

Однако основным признаком объективной стороны организованного преступления является организованная преступная деятельность, то есть система взаимосвязанных организованных преступлений какого-либо субъекта (одного лица либо группы лиц), но основополагающим признаком такой преступной деятельности является ее организованность, а именно:

взаимосвязь и взаимообусловленность того или иного количества организованных преступлений; зарождение организованных преступлений может иметь место и на этапе приготовления, и при исполнении конкретного преступления, и после их исполнения, то есть должна быть система криминальных деяний.

Специфичность вины организованных преступников заключается в том, что она может быть только умышленной, а умысел – только прямым. Наше внимание будет обращено на особую разновидность умысла организованного преступника – преднамеренность.

Можно утверждать, что в настоящее время имеется достаточно полное криминологическое обоснование постулата, согласно которому преднамеренная преступность – объективная реальность, свидетельствующая о новом общественно опасном явлении, которое требует прорыва и в теории уголовного права и в уголовном законодательстве. Однако этого, к сожалению, не произошло. Хотя некоторая тенденция в этом направлении есть. Так, например, в учебнике по уголовному праву профессор Н.И. Ветров пишет, что «...теория уголовного права и судебная практика, помимо деления умысла на прямой и косвенный, различают и другие его виды. Так, по моменту возникновения и формирования он делится на заранее обдуманый и внезапно возникший. Заранее обдуманый умысел возникает до начала преступления, когда лицо укрепляется в решимости его совершить, предварительно обдумывает план, избирает способы и средства преодоления возможных препятствий (место, орудия, средства и т. д.). Обычно заранее обдуманый умысел свидетельствует о повышенной опасности преступления и лица, его совершившего» [8]. Один из авторов комментария к Общей части УК Российской Федерации профессор Ю.А. Красиков делает, на наш взгляд, следующий шаг на этом пути и уже проводит аналогию между заранее обдуманым умыслом и предумыслом [2]. Однако, как представляется, предумышленность максимально раскрывает свою истинную суть в оценке вины субъекта организованного преступления, являющегося, в отличие от «традиционного» преступления, новым качественным образованием, что утверждают пока только представители криминологической науки [6].

Проведенные психологические исследования этого феномена показывают, что процесс «создания» организованного преступления изменяет содержание психического отношения лица к совершению им общественно опасного деяния. Сущность этого (измененного психического) отношения со-

ставляет предельно выраженная, устойчивая антисоциальная установка, ориентирующая конкретную личность на длительную и систематическую преступную деятельность.

Исходя из определения предумышленности, ее интеллектуальный и волевой элементы характеризуются следующими особенностями:

1. Осознанием особой общественной опасности готовящегося преступления, которое включает в себя понимание:

характера и социальной ценности будущего объекта преступного посягательства, например жизнь и здоровье людей, общественная безопасность и нормальное функционирование органов государственной власти, экономические интересы организаций, предприятий, учреждений, а также права и интересы отдельных граждан при терроризме, захвате заложников;

особенностей места, времени, обстановки, орудий и средств совершения криминального деяния. Так, например, сознание того, что акт терроризма будет сопряжен с посягательством на объект использования ядерной энергии (атомную электростанцию), указывает на предельно выраженную антисоциальную «зараженность» личности.

2. Сознанием уголовной противоправности деяния, представляющим собой понимание того, что конкретная общественная опасность деятельности запрещена уголовным законом. Невозможно осознать степень общественной опасности *организованного* деяния и одновременно (одномоментно) не осознать, что оно запрещено законом, хотя бы потому, что общественная опасность и противоправность деяния соотносятся друг с другом как содержание и форма.

Противники этой точки зрения обычно ссылаются на низкий уровень уголовно-правовой грамотности населения. Однако, вне всякого сомнения, «население» организованного преступного сообщества или преступной организации таким «недостатком» не страдает. Закон (ст. 25 УК) не включает в структуру умысла сознание уголовной противоправности содеянного. Однако, как представляется, закон ориентирован на оценку вины «традиционного», а не организованного преступления. Уязвимость этой точки зрения заключается также и в том, что, исключая в структуре умысла осознание субъектом уголовной противоправности, они ригористично утверждают: «Надо, однако, учесть, что в содержание умысла входит осознание виновными запрещенности совершаемого ими деяния нормами иных отраслей права...» [5, с. 79]. Таким образом, получается, что грамотность населения в области уголовного права заведомо низкая. А вот юридическая грамотность граждан в области «иных отраслей права», как-то: административного, гражданского, трудового, предпринимательского, финансового, банковского и других отраслей права заведомо высокая и достаточная для того, чтобы «осознание виновными запрещенности совершаемого ими деяния» обязательно входило в содержание умысла.

3. Предвидением результата будущей преступной деятельности, что содержит детальное и глубокое представление лица:

о характере предстоящих изменений в объекте, на который готовится тщательно продуманное криминальное посягательство, например размер и количество денежных, валютных и других требований при захвате заложников;

вредности изменений в объекте посягательства для общественных отношений. Так, при нарушении стабильности нормального функционирования органов государственной власти парализуется деятельность учреждений, организаций и предприятий конкретного административного образования на тот или иной промежуток времени, что являлось предметом плана действий террористов;

причинно-следственной зависимости между будущим деянием и общественно опасными последствиями, например между мощностью подрываемого энергоблока атомной электростанции и степенью будущего радиоактивного заражения местности;

возможности и, как правило, неизбежности наступления общественно опасных последствий запланированной преступной акции.

4. Желанием – оно представляет собой максимальную выраженность волевой мобилизации субъекта на достижение предвиденного результата преступной деятельности. Это преступное устремление характеризуется следующими факторами:

предмет желания – задуманное общественно опасное последствие, порожденное мотивацией и целями преступной деятельности;

общественно опасное последствие может являть собой как завершающую, так и промежуточную цель действий виновного лица. Предумышленность как индивидуально-психологическая характеристика вины «обнаруживает» себя во временном интервале, находящемся между возникновением умысла и его реализацией, и представляет собой процесс созревания криминального умысла, который определяется настойчивостью, особым коварством виновного в изобретении ловушек для будущих жертв преступления, тщательным планированием места, времени, орудий, средств и способов совершения деяния.

На основании изложенного попытаемся дать понятие рассматриваемого феномена. Итак, **предумышленность** – это индивидуально-психологическая характеристика вины субъекта организованного преступления, находящаяся между возникновением и реализацией умысла, представляющая собой предельно выраженную, устойчивую антисоциальную установку, ориентирующую конкретное лицо на осуществление организованной преступной деятельности.

Предумышленность как индивидуально-психологическая характеристика вины субъекта тяжкого и особо тяжкого преступления находит свою материализацию в свершении таких криминальных деяний, как планирование и создание организованных групп, банд, преступных организаций и сообществ; захват заложников, похищение людей, терроризм; развитие нарко-, порно- и иного криминального бизнеса и т. д.

Учитывая особую опасность организованной преступности, законодатель должен внести соответствующие изменения в ст. 25 УК РФ (преступление, совершенное умышленно), определив предумышленность как особую разновидность прямого умысла.

Физическое лицо приобретает уголовно-правовое свойство субъекта преступления, в том числе и организованного, лишь тогда, когда становится «автором» такого «произведения».

Субъектом преступления признается физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (ст. 19, 20 УК РФ). Однако организованная преступная деятельность – «удел» не только одного человека, это еще и «судьба» подобного рода деятельности определенной группы лиц, которая может быть либо коллективным субъектом, либо юридическим лицом. Это объективная реальность нынешней криминальной ситуации в России, которая по тем или иным причинам не нашла адекватного реагирования уголовно-правовой науки и законодателя. Рассмотрим некоторые возникшие проблемы. Основным субъектом уголовной ответственности при совершении таких преступлений, как терроризм (ст. 205 УК РФ), бандитизм (ст. 209 УК РФ) и др., обычно является исполнитель (исполнители) отдельных эпизодов, организованных другими лицами. Однако исполнители – это основание пирамиды организованной преступности, а ее вершина, определяющая цели и объект преступного посягательства, формирующая структуру организованного преступного формирования, устанавливающая специфику и механизм криминальной деятельности, остается за пределами уголовного закона. Законодатель, поняв это, решил оказать помощь правоприменителю и принял ряд уголовно-правовых новелл. Обратим внимание на две: преступную организацию и преступное сообщество (ст. 210 УК РФ). Адекватно ли эти уголовно-правовые категории отражают реалии организованной преступности? Представляется, что нет. И вот по каким основаниям:

исследования, проведенные Российской криминологической ассоциацией, а также солидными научными учреждениями соответствующих правоохранительных структур, показывают, что преступная организация и преступное сообщество – это самостоятельные разновидности организованных преступных формирований, наряду с такими, как организованная группа и банда. Однако организованная группа и банда с точки зрения уголовного закона есть суверенные и отличные друг от друга категории. А вот преступное сообщество и преступную организацию действующий Уголовный кодекс РФ считает тождественными понятиями и устанавливает одинаковую ответственность;

характерными признаками преступных организаций являются особенности целей и объекта преступного посягательства. Основная цель всякой преступной организации – получение незаконных доходов. Когда эта цель достигается, то появляются и др.;

формирование структуры преступной организации, например возникновение организаций, специализирующихся на хищении ценных бумаг либо денежных средств, происходит внутри различных легально действующих структур;

специфика функционирования, отличающейся строгой конспиративностью, наличием механизма регенерации функций и кадрового состава в случае их утраты, например, в связи с привлечением к уголовной ответственности;

механизм преступной деятельности, в который входит: собирание, анализ и оценка информации о соответствующей сфере социальной жизни общества с целью возможного приложения криминальных устремлений; разработка технологии преступной деятельности; подготовка и реализация преступной деятельности; осуществление мер по сокрытию следов преступлений;

преступное сообщество криминологи понимают как особый вид организованного преступного формирования, которое создается не для совместной преступной деятельности, а для обеспечения взаимодействия организованных групп, банд, преступных организаций; обмена информацией; объединения усилий в нейтрализации и использовании правоохранительной системы.

Преступное сообщество – это своеобразный координационный орган, в котором сотрудничают не преступные организации и организованные преступные группы, а представители этих формирований. Преступное сообщество может полностью преобразоваться в преступную организацию или при-

обрести отдельные ее черты. Преступная организация лишь делегирует своих представителей в преступное сообщество. В этой связи возникает проблема уголовной ответственности юридического лица. В России рассуждения на эту тему абстрактны, поскольку субъектом преступления может быть только физическое лицо. Однако юридическое лицо надо признать субъектом преступления и особенно организованного.

Организованное преступление – это предумышленно совершенная общественно опасная организованная деятельность, запрещенная Уголовным кодексом под угрозой наказания.

Исходя из этого определения следует назвать и признаки организованного преступления.

1. Общественная опасность организованного преступления – это сложная, системная социально-правовая категория, обусловленная всей совокупностью его отрицательных свойств, которые причиняют вред (или имеют реальную возможность причинения) общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Высшая степень этой опасности определяется:

- а) важностью защищаемых уголовным законом общественных отношений;
- б) размером, характером и объемом причиненного вреда;
- в) особенностями самой общественно опасной (преступной) организованной деятельности;
- г) особенностями субъекта организованного преступления (физического или юридического лица).

2. Противоправность – это запрещенность в уголовном законе общественно опасной организованной деятельности под угрозой применения к виновному лицу наказания. Основанием признания организованной криминальной деятельности уголовно-противоправной является общественная опасность такой деятельности, закрепленная в конкретной норме уголовного закона в качестве преступления.

3. Виновность – совершение организованного преступления только с прямым умыслом и при обязательном наличии предумышленности. Предумышленность – это индивидуально-психологическая характеристика вины субъекта организованного преступления, находящаяся между возникновением и реализацией умысла и представляющая собой предельно выраженную, устойчивую антисоциальную установку, ориентирующую конкретное лицо на осуществление преступной деятельности.

4. Наказуемость – это возможность назначить за совершенное организованное преступление соответствующее наказание, предусмотренное санкцией статьи Особенной части УК.

Состав организованного преступления – это целостное единство структурно расчлененных взаимосвязанных объективных и субъективных элементов и признаков, рассматриваемых уголовным законом как организованное преступление.

Таково, по мнению авторов, в том или ином приближении к истине разрешение обсуждаемых проблем, ибо «...задачей науки, – по утверждению Л.Н. Толстого, – должно быть познание того, что должно быть, а не того, что есть» [9, с. 317].

Библиографические ссылки

1. Карпец, И.И. Преступность: иллюзии и реальность / И.И. Карпец. М., 1992.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / под ред. Ю.Н. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996.
3. Кузнецова, Н.Ф. Учение о составе преступления : современные проблемы / Н.Ф. Кузнецова. М., 1980.
4. Лунеев, В.В. Преступность XX века / В.В. Лунеев. М., 1997.
5. Практикум по уголовному праву : учеб. пособие / под ред. Л.Л. Крутикова. М. : БЕК, 1997.
6. Организованная преступность. М. : Криминол. ассоциация, 1998.
7. Соколов, А.Н. Гражданское общество и важнейшие гаранты его стабильности / А.Н. Соколов. Калининград : КЛЮИ МВД России, 2005.
8. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М. : Новый юрист, Кно Рус, 1997.
9. Энциклопедия мысли : Сборник мыслей, изречений, афоризмов, максимов, парадоксов, эпиграмм / сост. О. Азарьев [и др.]. Симферополь : Таврида, 1996.